

Литература

1. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Вып. 16. – Мінск, 1997.
2. Словарь древнерусского языка (XI–XII вв.). – Т. 4. – М., 1991.

Список использованных сокращений

ПСРЛ – Полное Собрание Русских Летописей. – Т. 32. – М., 1975.
ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. – Т. 1–5. – Мінск, 1977–1984.

МАРКЕРЫ УКЛОНЧИВОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ЕЩЕ РАЗ ОБ «ОДЕ» ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

А. И. Соболева

«Сломать человека – это еще не значит сломать поэта» [Сарнов 2005: 93]. «Ода» Осипа Мандельштама создана в январе-феврале 1937 года. Стихотворение включает семь двенадцатистрочных строф, написанных вольным ямбом. Но, как отмечает Никита Струве, уже в марте «...двусмысленные кивки в сторону Кремля исчезают окончательно» [Струве 1992: 82], а сам Мандельштам в том же году признается, «что это была болезнь, временное помрачение совести и рассудка» [Струве 1992: 82]. Бенедикт Сарнов в своей книге «Заложник вечности: случай Мандельштама» пишет, что из многочисленных суждений о мандельштамовской «Оде» Сталину «при желании...можно было бы составить целый том» [Сарнов 2005: 99]. Главный предмет спора – мотив: хотел ли поэт воспеть вождя или «...спасти жизнь ценой нескольких вымученных строф» [Сарнов 2005: 91]. Принимая в расчет особенность поэта Мандельштама, который не умел писать стихи «не самообнажаясь, не вытаскивая на поверхность, не выявляя в стихах весь запас своих подспудных, тайных впечатлений, идущих из подсознания, из самых глубин личности...» [Сарнов 2005: 98], попробуем показать, что текст «Оды» характеризуется уклончивостью.

Уклончивость как семиотическая универсалия. Сигналы лжи. Уклончивость языкового знака – это одна из универсалий естественной семиотики (человеческого языка), сформулированных Ч.Ф. Хоккеттом, которая означает, что сообщения могут быть ложными или бессмысленными с точки зрения логики [Хоккетт: 1970]. В работе «Лингвистика лжи» Х. Вайнрих перечисляет сигналы лжи, в том числе и такие, как декларация правдивости, проекция, чрезмерная аргументация, чрезмерная детализация [Вайнрих 1987: 85]. К сигналам лжи относятся и определенного рода бессмыслицы, назовем их «перевертыши», логически противопо-

речивые высказывания, не соответствующие логической пресуппозиции: общим знаниям носителей языка о природе обсуждаемого явления. Д. Болинджер в работе «Истина проблема лингвистическая» подчеркивает, что сформирована «содержащая гигантский потенциал лжи дихотомия, разводящая значение и реальный мир» [Болинджер 1987: 34], поэтому «самый обычный акт номинации может иметь последствия для формирования нашего отношения к называемому» [Болинджер 1987: 34]. Более двух десятков признаков (сигналов) лжи называет А. А. Закатов в работе «Ложь и борьба с нею», при этом он подчеркивает, что при расшифровке информации необходимо учитывать личность говорящего и ситуацию [Закатов 1984].

Лжет ли метафора. Поэзии Осипа Мандельштама свойственны «далекие» метафоры, в которых максимально проявляется «обман ожидания», когда детерминация значения слова в контексте происходит вне направления ожиданий реципиента [Вайнрих 1987: 67–68]. Заметим, что образование метафор, вероятно, представляет собой частный случай осуществления двух противоположных функций знаков-символов: обобщающей и дифференцирующей. Так как образование метафор связано с двумя противоположными процессами: детерминацией (сужением значения в контексте) и расширением значения за счет включения нового типа экстенционала, возникает противоречие между значением (частью вербального сознания) и представлением, которое формируется при восприятии текста. Значение соотносится с чувственным опытом, а представление – с текстовой информацией. Метафора является стимулом познания именно из-за заложенного в ней противоречия между чувственным опытом и текстовой информацией. Но как речевой конструкт она – инструмент познания. Метафора «лжет» в той мере, в какой она является способом представления нового знания и содержит возможность нового знания. Грубо говоря, действует закон отрицания отрицания: метафора не стала инструментом лжи, потому что ее природа – ложь. Но кроме слова и образа в стихотворении существуют еще составляющие формы: ритм и фонетика.

Фонетика как маркер уклончивости в поэтическом тексте. Н. Струве отмечает, что «Ода» «крайне бедна ритмом, предельно немзыкальна» [Струве 1992: 82]. Парадокс заключается в том, что последний период творчества Осипа Мандельштама характеризуется фонетической избыточностью («избытком фонетической силы»); что даже слова, понятия-образы часто связываются алогично и только на основании фонетической близости; что именно звуковые повторы часто создают интенсивность текста. Форма, метрика и фонетика, очень важны для Мандельштама, она – порождение содержания: «Поэтическая форма для Мандельштама внутренняя, как сама идея. Она и есть идея-форма» [Пинский 1989: 373]; «форма выжимается из содержания-концепции, которое ее как бы облекает» [Струве 1992: 181]. Более того, создание стихов начинается с формы, некой «погудки», с того, что «в ушах звучит назойливая, сначала неоформленная, а потом точная, но еще бессловесная музыкальная фраза». [Мандельштам 2014: 146]. Но можно ли предположить, что в поэзии субзнаковые элементы (фонемы и звуки) являются не только средством подкрепления содержания текста, усиления его интенсивности, средством формирования суггестивного эффекта, но и инструментом разрешения конфликта между содержанием и сообщением текста? Поэтический текст демонстрирует максимальную связь плана выражения и плана содержания языкового знака. Вероятно, поэтому фонетическая структура поэтического текста может стать «ключом» к дешифровке истинного сообщения, транслируемого текстом. В большинстве поэтических текстов звукосимволическое (эмоционально-оценочное) значение «подкрепляет», усиливает смысловую составляющую текста. В определённых условиях звукосимволическое значение противоречит содержанию текста. Характерная особенность языков консонантного типа – распространённость групп согласных, которые всё-таки затрудняют фонацию. Предположим, что чем больше групп согласных в единице текста, чем больше маркеров трудности произнесения, чем чаще говорящий концентрирует свои психофизиологические усилия на преодолении трудностей реализации плана выражения, тем в

большей степени проявляется уклончивость. При нежелании, но необходимости лгать или при иллюзии искренности в ситуации речи сигналом лжи в эстетически оформленном поэтическом тексте становится нарушение «фонетических ожиданий» как звуко-символических и эстетических составляющих. Анализ фонетической структуры текста показал, что в нем содержится 2346 согласных звуков, причем 1/6 часть этих звуков (16%) образуют двойные и тройные сочетания согласных. Всего в тексте стиха присутствует 377 сочетаний согласных. Из них 307 – это сочетания двух согласных звуков (81%, или 4/5 всех сочетаний согласных), 70 – это сочетания трёх согласных звуков (19% или 1/5). В состав двойных сочетаний входит 614, а в состав тройных сочетаний – 210 консонантных звуков, в сумме – 824 звука, что составляет более 1/3 всех согласных текста (35%). Итак, более трети всех согласных текста входят в состав консонантных сочетаний, затрудняющих произношение. Даже если исключить все консонантные сочетания, в которых присутствуют сонорные звуки [р], [л] [м], [н], то останется 140 двойных и тройных сочетаний шумных консонантных. Девятую часть (41 употребление) всех консонантных сочетаний составляют сочетание переднеязычного спиранта и взрывного [ст] – [ст'], при некоторых допущениях создающих анаграмму имени объекта описания. Кроме сочетаний согласных в тексте есть и звуки, которые при применении метода шкалирования получают отрицательные оценки у носителей русского языка: это шипящие [ж], [ч], [ш]; глухие фрикативные [ф], [х]; смычно-проходной дрожащий [р]. В тексте стихотворения 121 раз встречается дрожащий [р], 107 раз – шипящие; 48 раз – глухие фрикативные; всего 276 употреблений, что составляет более 1/8 части всех согласных (около 12%). Заметим, что при подсчете учитывались и те звуки, которые входили в состав сочетаний согласных. Элементарный количественный анализ показал, что фонетическое оформление текста противоречит его смысловому содержанию, так как в нем много и звуков, имеющих отрицательное эмоционально-оценочное значение, и консонантных сочетаний, затрудняющих фонацию.

Назовем те фрагменты текста, которые наиболее сложно фонетически организованы (римская цифра означает порядковый номер строфы, арабская – номер условного четверостишия в строфе). Больше всего в сумме консонантных сочетаний, а также шипящих и глухих фрикативных согласных содержится в первом четверостишии текста, здесь наблюдается максимальное количество двойных сочетаний согласных: *Когда б я уголь взял для высшей похвалы – / Для радости рисунка непреложной, – / Я б воздух расчертил на хитрые углы / И осторожно и тревожно* (I.1.). На единицу меньше сумма сочетаний согласных, шипящих и глухих фрикативных в V.1.; кроме того здесь содержится больше, чем в других фрагментах текста, тройных сочетаний согласных; во всей пятой строфе наблюдается максимальное количество шипящих звуков, приблизительно одинаково распределенных по четверостишиям: *Сжимая уголек, в котором все сошлось, / Рукою жадною одно лишь сходство клича, / Рукою хищною – ловить лишь сходства ось – / Я уголь искрошу, ища его обличья*. (V.1.) // *Я у него учусь, не для себя учась. / Я у него учусь – к себе не зная пощады, / Несчастья скроют ли большого плана часть, / Я разыщу его в случайностях их чада...* (V.2.) // *Пусть недостоин я еще иметь друзей, / Пусть не насыщен я и желчью и слезами, / Он все мне чудится в шинели, в картузе, / На чудной площади с счастливыми глазами* (V.3.). Во всей строфе VII такая же сложная фонация, как в V.1.; в каждом из четверостиший VII.1. и VII.3. максимальна сумма двойных и тройных сочетаний согласных: *И шестикратно я в сознании берегу, / Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы, / Его огромный путь – через тайгу / И ленинский октябрь – до выполненной клятвы*. (VII.1.) // *Уходят вдаль людских голов бугры: / Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят, / Но в книгах ласковых и в играх детворы / Воскресну я сказать, что солнце светит*. (VII.2.) // *Правдивей правды нет, чем искренность бойца: / Для чести и любви, для доблести и стали / Есть имя славное для сжатых губ чтеца – / Его мы слышали и мы его застали* (VII.3.). Всего лишь на единицу меньше, чем в каждом четверостишии строфы VII и в V.1., сумма сочетаний согласных, шипящих

и глухих фрикативных в III.3.: *Художник, береги и охраняй бойца: / Лес человечества за ним поет, густея, / Само грядущее – дружина мудреца / И слушает его все чаще, все смелее* (III.3.). В четверостишии III.1., как и в VI.1., чаще, чем в других фрагментах текста встречается согласный [p]: *Художник, береги и охраняй бойца: / В рост окружи его сырым и синим бором / Вниманья влажного. Не огорчит отца / Недобрым образом иль мыслей недобором*, (III.1.); *Глазами Сталина раздвинута гора / И вдаль прищурилась равнина. / Как море без морщин, как завтра из вчера – / До солнца борозды от плуга-исполина* (VI.1.).

Максимальное количество сложных фонаций содержится в первых четырёх строках каждой из пяти строф (I, III, V, VI, VII), исключением являются строфы II и IV, посвященных в основном описанию биографии, внешности и речи Сталина, его позиции по отношению к народу. Значит, при переходе от одного смыслового центра к другому неосознанно создается препятствие для запуска артикуляционной цепочки, для включения динамического стереотипа, а следовательно, и в плане содержания тормозится цепная реакция лжи. Если процесс фонации затруднен, а звуко-символическое значение не коррелирует прямо с оценками, декларируемыми в тексте, то есть наблюдается противоречие оценок, транслируемых планом выражения и планом содержания знака, то фонетическая составляющая может квалифицироваться как маркер уклончивости текста.

Очевидно, что фонетически наиболее сложными являются те фрагменты текста, где речь идет не об объекте описания, не о Сталине, а о лирическом герое. Организация субзнакового уровня, единицы которого эксплуатируются подсознательно, свидетельствует, что автора волнует не Сталин, не его реальная и символическая функции, а профессиональные проблемы и этические категории. Концентрация внимания именно на роли творца, лирического героя, подтверждается и при анализе местоимений.

Функционирование личных местоимений как маркер уклончивости текста. Х. Вайнрих в работе «Лингвистика лжи» опровергает утверждение о том, что философской истине противостоит поэтическая ложь: «Никто не

бывает обманут поэзией. Не бывает, потому что не было никакого намерения обмануть... Но если поэзия — ложь, то всегда налицо и сигналы лжи. Вымысел преподносится как вымысел» [Вайнрих 1987: 85]. Сложность текста Мандельштама заключается в том, что он подчёркивает условность ситуации описания, которая моделируется так, что в ней происходит замена семиотик: с помощью временного эстетического объекта, поэтического текста, якобы создается другой, пространственный эстетический объект, рисунок. Условность ситуации описания выражается и грамматическими (синтаксическими), и лексическими средствами; в этом отношении показательное использование местоимений, части речи, в котором грамматическое значение преобразовалось в лексическое. При указании на лирического героя используется 20 словоупотреблений личных местоимений, при указании на Сталина – 16 (на 1/5 меньше). Чуть более половины словоупотреблений местоимения, называющего лирического героя (11 из 20), находится в составе конструкций, отражающих ирреальность действия. Во-первых, это конструкции в условном наклонении с личным местоимением первого лица единственного числа: *когда б я уголь взял* (I.1.); *я б воздух расчертил на хитрые углы* (I.1.); *я б рассказывал о том, кто сдвинул мира ось* (I.2.); *я б поднял брови малый уголок* (I.3.); *я б несколько гремучих линий взял* (II.1.). В высказываниях: *и я хотел бы стрелкой указать* (IV.2.); *и я хочу благодарить холмы* (II.3.) – выражена и модальность желательности. Во-вторых, это конструкции с глаголом будущего времени, что также подчёркивает ирреальность действия: *я уголь искрошу, ища его обличья* (V.1.); *я разыщу его в случайностях их чада* (V.2.); *воскресну я сказать, что солнце светит* (VII.2.); *не я и не другой – ему народ родной – / Народ-Гомер хвалу утроит* (III.2.). Местоимение я встречается еще 9 раз, но уже при глаголах настоящего времени (7 словоупотреблений – в форме именительного падежа и 2 – в форме косвенных падежей): *гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу* (I.3.); *я у него учусь, не для себя учась* (V.2.); *я у него учусь – к себе не зная пощады* (V.2.); *пусть недостоин я еще иметь друзей, / пусть не насыщен я и желчью и слезами* (V.3.); *и шестикратно я в сознании берегу* (VII.1.);

я *уменьшаюсь там, меня уж не заметят* (VII.2.); ср.: *он все мне чудится в шинели, в картузе* (V.3.). При описании профессиональной деятельности лирического героя, в его «заявке» на хвалебный портрет вождя доминирует семантика ирреальности; и наоборот – отчаяние лирического героя передается с помощью глагольных форм настоящего и (реже) прошедшего времени. Символично соотношение количества словоупотреблений местоимений со значением первого лица (я) и третьего лица (он) в начальной форме и в формах косвенных падежей. 18 из 20 словоупотреблений местоимения я – это формы именительного падежа единственного числа, и только 2 – формы косвенных падежей (*меня, мне*). Из 16 словоупотреблений личных местоимений, указывающих на объект описания, только 3 имеет начальную форму (он), а 13 словоупотреблений – это формы косвенных падежей: *его* (8 раз), *у него* (2), *ему* (1), *к нему* (1), *за ним* (1). Грамматические формы личных местоимений свидетельствуют о том, что вождь в меньшей степени, чем лирический герой, осознается как самостоятельный субъект действия. В этом отношении показательны конструкции с именем в творительном падеже, представляющие собой аналог эргативных конструкций в языках номинативного типа: *глазами Сталина раздвинута гора* (VI.1). С учетом неличных местоимений (*не для себя, к себе*) на лирического героя указывает 22 словоупотребления, из них только 4 – в формах косвенных падежей; соотношение начальных и косвенных форм в них 4,5:1. С учетом неличных местоимений (*тому, о том, какого, к которому, кто /3/, весь /2/*) на объект описания указывает 25 словоупотреблений, из них только 8 имеют форму именительного падежа единственного числа; соотношение начальных и косвенных форм в них $\approx 1:2$.

В «Оде» нет прямого обращения к Сталину, при его номинации местоимения употребляются приблизительно в 2 раза чаще, чем существительные: 25 и 12 словоупотреблений соответственно. Словоупотребления одного только местоимения он (16 – в начальной форме и в формах косвенных падежей), исключая объект описания из речевого акта, более частотны, чем словоупотребления существительных (12). Характер функционирования местоимений в тексте

стихотворения свидетельствует о том, что для поэта тот, кто воспевается в «Оде», – и не субъект действия, и не адресат речи. Грамматика стирает расчетливость замысла и проявляет истину. В этом отношении показателен и переход от местоимения я к местоимению мы заключительной строке текста: *его мы слышали и мы его застали* (VII.3.). Искреннее желание не быть изгоем, возможно, заставило автора использовать именно такой инструмент усиления своей позиции, когда противопоставление я – он сменяется оппозицией множества субъектов действия и прямого объекта действия: *мы – он* (в заключительной строке: *его*). Последняя строка текста лишена уклончивости, в ней минимум художественных приемов (повтор синтаксических конструкций, зеркальная симметрия), категория истинности утверждает не только бытийностью, но в первую очередь указанием на речевой акт, столь важный для Мандельштама. Как заключительный аккорд снижения богоподобного образа вождя звучит финальный глагол текста: *застали*, стимулирующий семантический вывод: оказывается, Сталин не вечен.

Номинация лирического героя и объекта описания с помощью существительных как маркер уклончивости. В тексте присутствуют 12 словоупотреблений, называющих Сталина, три из которых – имена собственные и 9 – имена нарицательные. Имена собственные – псевдоним: *Сталин* (II.3.), *Сталина* (VI.1.) и фамилия: *Джугашвили* (II.3.). Оппозиция псевдонима и фамилии: *Хочу назвать его – не Сталин, – Джугашвили!* (II.3.) – возможно, и указывает на компетентность автора текста, то есть близость к персонажу, но в любом случае упоминание фамилии – это нарушение негласного канона в поэтическом изображении Сталина, ведь «ни один из поэтов, напечатавших в 1937 году стихи о кавказском периоде биографии вождя, не упоминает его подлинную фамилию» [Лекманов 2016: 387]. Очевидно, что фонетически псевдоним более приемлем, чем фамилия, так как в псевдониме присутствуют два сонорных и два шумных согласных звука, а в фамилии – только один сонорный звук, но два сочетания согласных, каждое из которых включает шипящий; кроме того, здесь есть отрицательно оцениваемый носителями русского языка

заднеязычный согласный [г]. Опять на субзнаковом уровне, в звуковой оболочке слова проявляются скрытые истинные оценки. Наиболее частотное слово из имен нарицательных – *бойца*; показательно, что оно встречается также часто, как и имена собственные: три раза (III.1.; III.3.; VII.3.). Остальные 6 словоупотреблений следующие: (2 раза) *отца* (II.2.; III.1.), *для близнеца* (II.2.), *мудреца* (III.3.), *жнеца* (VI.2.), *должник* (IV.1.). Нет ни одного существительного, называющего Сталина, в строфах I и V, где речь идет в первую очередь о профессиональной деятельности и эмоциональном состоянии лирического героя. В предпоследней строке текста само имя не упоминается, но утверждается факт его существования и одновременно доминирует аксиологическая модальность (хорошо – безразлично – плохо): дается оценка имени: *Есть имя славное* (VII.3.), которая сразу же нейтрализуется оксюморон: *для сжатых губ чтеца* – (VII.3.), хотя существует и вариант: *для твердых губ чтеца*. Итак, подведение итогов связано с обобщением и оценкой, при том, что положительная оценка сразу же стирается указанием на отсутствие фонации: имя не произнесено. Себя же лирический герой называет лишь с помощью одного существительного: *свидетель*. Неоднозначность такой номинации: *свидетель медленный труда, борьбы и жатвы* (VII.1.) – заключается в следующем: в контексте строфы – она является якобы средством самоуничтожения (не участник, а свидетель медленный); в общекультурном контексте – быть летописцем – подчеркивает социально-историческую значимость функции лирического героя; применительно к конкретному периоду «большого сталинского террора» – она приобретает и еще одно значение: *свидетель преступлений*. Предшествующий контекст: *И каждое гумно и каждая копна / Сильна, убориста, умна – добро живое – / Чудо народное! Да будет жизнь крупна. / Ворочается счастье стержневое.* (VI.3.) – представляет собой абсурдную картинку сельскохозяйственной идиллии, когда конкретному приписываются абстрактные признаки (*копна... умна*), а абстрактное патологически опредмечивается, что является одним из инструментов психологической защиты (*ворочается счастье*). Возможно, использование механизма зеркальной симметрии, формирующего вирту-

альный мир, в котором нарушено реальное соотношение вещей и их признаков, – это проявление подавляемого страха лирического героя перед жизнью, которую он воспекает. Очевидно, что цепочка определяемых и определений (*гумно – копна – сильна – умна*) создается на основе фонетического подобия. Глагол несовершенного ворочается предвзвешивает восприятие лексемы медленный, благодаря и своим фонетическим признакам (полногласию -оро-, включающему лабиализованные гласные заднего ряда; ср.: *вертится, вращается*): лабиализация соотносится с идеей большого, полногласие «подкрепляет» идею продолжительности действия, выраженную грамматической семантикой несовершенного вида глагола.

Обилие повторяющихся лексем как маркер уклончивости текста. А. А. Закатов называет и такие признаки лжи, как совпадение в мельчайших деталях сообщений нескольких опрашиваемых, а также настойчивое, неоднократно (навязчивое), инициативное повторение каких-либо утверждений [Закатов 1984]. Вероятно, в поэтическом тексте эти признаки проявляются специфически: в стандартизации речи, в использовании клише, в неоправданных повторениях лексем, то есть повторениях, не обусловленных формированием тропов.

В тексте «Оды» содержится 148 словоформ существительных; 81 личная форма глагола, 11 деепричастий, 5 причастий (всего 97 глагольных форм); 48 словоформ прилагательных. Существительных в стихотворении в 3 раза больше, чем прилагательных и в полтора раза больше, чем личных форм глагола. Но даже самая частотная из трёх названных знаменательных частей речи оказывается на треть ограниченной в лексико-семантическом разнообразии, что увеличивает клишированность текста и обедняет его смысловую составляющую. Повторяются в тексте 42% глаголов, 39% существительных; 12,5 % прилагательных.

Из 148 словоупотреблений существительных 58 являются повторами (39 %), из них 55 словоупотреблений имеют идентичное (41) или однокоренное (14) соответствие внутри своей части речи, 3 – являются однокоренными словами только с глаголами (*слух, рисунка, в играх*).

Из 97 словоупотреблений глаголов 41 (42%) – это повторы разных видов: полные, то есть одинаковые формы одной лексемы (15 словоупотреблений); разные формы лексемы (15); разные однокоренные лексемы одной части речи (7); словоформы, являющиеся однокоренными со словоформами других частей речи (4).

Из 48 словоупотреблений прилагательных только 6 являются повторами (12,5%): это разные формы одной лексемы (*сильнее – сильна*); слова, однокоренные с другими частями речи (*на шестиклетьвенном – шестикратно; на чудной – чудится; с счастливыми – счастье, несчастья; правдивей – правды*).

Приведем только некоторые примеры повторов, как расположенных рядом или близко на синтагматической оси, так и отдаленно: *И мужество улыбкою связал* (II.1.) / *И связал в ненапряженном свете*. (II.1.); *Он все мне чудится в шинели, в картузе*, (V.3.) / **На чудной площади с счастливыми глазами**. (V.3.) // *Глазами Сталина раздвинута гора*. (VI.1.) / *Чудо народное!* (VI.3.); *Он улыбается улыбкою жнеца* (VI.2.) / *Рукопожатий в разговоре*, (VI.2.) // *Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы* (VII.1.); *Правдивей правды нет, чем искренность бойца* (VII.3.); *Я у него учусь, не для себя учась*. (V.2.) / *Я у него учусь – к себе не зная пощады*, (V.2.); *Когда б я уголь взял для высшей похвалы –* (I.1.) // *Я б несколько гремучих линий взял* (II.1.). Повторы подобного рода снижают лексико-семантическую неопределённость поэтического текста, что может, с одной стороны, свидетельствовать о вынужденности авторского речепроизводства, а с другой стороны, препятствовать привнесению читателем личностного смысла в семантику стиха.

Перечислим тематические группы существительных, в которых наиболее часто наблюдается повторение лексем и присутствие однокоренных лексем, заметив при этом, что однокоренные слова могут входить в состав разных тематических групп, например: *рукою* (2) – *рукопожатий*; для *близнеца* – *близость*. «Многочисленные» тематические группы существительных включают 20 словоупотреблений и более: внешность (12 словоупотреблений из 21, что составляет 57 %): *голов* (2), *рукою* (2), *глаз, глаза, глазами, с глазами,*

брови, бровь, морщинки, без морицин; номинация личности и совокупности людей: имена нарицательные (12 из 22 – 54,5 %): *художник* (3), *бойца* (3), *отца* (3), *народ* (2), *народов* (1); природные объекты (11 из 20–55 %): *солнце, до солнца, бугры, в бугры, гора, с горы, в горах, уголь* (2), *уголёк* (2). «Малочисленные» тематические группы существительных включают менее 20 словоупотреблений: общая номинация мироздания (2 из 2-х – 100 %): *мира* (2); эмоции, чувства и их проявления (4 из 8–50%): *улыбкою* (2), *счастье, несчастье*; результаты сопоставления (2 из 5–40 %): *сходство, сходства*; категории пространства и времени: пространство (без учета существительных времени: 4 из 13–31 %; с учетом существительных времени: 4 из 18–22 %): *ось* (2), *углы, уголок*.

В тексте стихотворения копируется 18 лексем-существительных, которые реализуются в 43 словоформах: 12 лексем повторяются 2 раза, 7 из них (*уголь, уголёк, ось, мира, голов, рукою, улыбкою*) – в идентичных словоформах; 5 из них (*бровь, сходство, бугры, солнце, Сталин*) – в разных словоформах; 5 лексем повторяются 3 раза (*художник, бойца, отца* – в идентичных словоформах; *народ, гора* – в разных словоформах); 1 лексема (*глаз*) повторяется 4 раза в разных словоформах. Кроме того, 18 лексем образуют однокоренные пары: *уголь – уголёк; углы – уголок; стали – Сталин; близость – для близнеца; счастье – несчастья; хвалу – похвалы; морицин – морщинки; рукою – рукопожатий; жатвы – жнеца (цепочка из последних трех лексем: жатвы – жнеца – рукопожатий – /рукою/ для простоты представления предъявлена в составе пар)*. Поскольку среди этих пар есть 4 лексемы, реализующиеся в повторяющихся словоформах (*уголь, уголёк, Сталин, рукою*), то при подсчете повторяющихся словоформ в целом надо учитывать в однокоренных парах на 8 словоформ меньше: в них присутствует всего 22 словоформы, но только 14 из них не повторяются в тексте стиха.

Все повторы глаголов сводятся к следующим видам: повторы словоформ одного глагола, однокоренные глаголы, однокоренные глаголы и имена (чаще – существительные, реже – прилагательные). 8 лексем-глаголов повторяются

в идентичных или в разных словоформах, а именно: три лексемы повторяются 2 раза в идентичных словоформах (*взял, охраняй, светит*); три лексемы повторяются 3 раза, из них только 2 раза – в идентичных словоформах (*береги – береги – берегу; хочу – хочу – хотел бы; учусь – учусь – учаь*); одна лексема повторяется 4 раза, из них 3 раза в одной и той же словоформе (*знать – знать – не знать – знал*); одна лексема повторяется в разных словоформах: сказать – скажу. 17 лексем являются однокоренными глаголами: ища – разыщу; сжатых – сжимая; связал – развязал; назвать – отозвалось; слушает – слышали; чувствует – почувяв; знать – узнаешь; сказать – указать – (я) б рассказал. Две лексемы из перечисленных 17 (*знать, сказать*) повторяются в одинаковых или разных словоформах. 7 глагольных лексем являются однокоренными со словами других частей речи: чудится – на чудной; улыбается – улыбкою; рисуя – рисунка; играя – в играх; слушает – слышали – слух; близясь – близость – для близнеца.

Проведенный анализ показал, что маркерами уклончивости в поэтическом тексте могут стать, во-первых, единицы субзнакового уровня; во-вторых, личные местоимения, то есть слова, в которых грамматическое значение преобразовалось в лексическое; в-третьих, немотивированные эстетическими задачами повторы существительных, глаголов, прилагательных; в-четвертых, особенности номинации (в ситуации описания) лирического героя и объекта описания, который в ситуации речи по замыслу автора (адресанта) является единственно важным адресатом.

Литература

1. Болинджер, Д. Истина – проблема лингвистическая / Д. Болинджер // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 23–43.
2. Вайнрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 44–87.
3. Закатов, А. А. Ложь и борьба с нею / А. А. Закатов. – Волгоград, 1984.
4. Лекманов, О. А. Осип Мандельштам: ворованный воздух / О. А. Лекманов. – М., 2005.

5. Мандельштам, Н. Воспоминания / Н. Мандельштам // Собрание сочинений в 2-х т. – Екатеринбург, 2014. – Т. 1: «Воспоминания» и другие произведения (1958–1967).
6. Мандельштам, О. Э. Ода / О. Э. Мандельштам // Сочинения в 2-х т. – М., 1990. – Т. 1. Стихотворения. – С. 311–313.
7. Пинский, А. Е. Поэтика Данте в освещении поэта / А. Е. Пинский // Магистральный сюжет. – М., 1989. – С. 367–396.
8. Сарнов, Б. М. Заложник вечности: случай Мандельштама / Б. М. Сарнов. – М., 2005.
9. Струве, Н. А. Осип Мандельштам / Н. А. Струве. – Томск, 1992.
10. Хоккетт, Ч. Ф. Проблема языковых универсалий / Ч. Ф. Хоккетт // Новое в лингвистике. – Вып. 5. – М., 1970. – С. 45–76.